

САЛЕХОВА (Сидорова) Тамара Николаевна

...Не успели от одного горя оправиться и, как следует, на ноги встать, как грянула война. Нужда стала еще прочнее в свой смертельный узел нас стягивать. Что делать? Как быть? На кого рассчитывать? Бабушка к 41-ого году перешагнула свое 70-летие и трудиться не могла. На одну зарплату мамы протянуть было просто невозможно. Из-за этого, еле пережив первый военный год полуголодными, на подножном корму (летом ходили в лес по грибы - по ягоды, подбирали на колхозных полях оставшиеся после уборки урожая полугнилые капустные листья, из которых получалась почти что черная щаница...), я приняла решение оставить школу и, как многие другие мои сверстницы, идти на трудовой фронт. Маму вызывали в школу, в горно, грозили ей судом за то, что дочь-отличница своевольничает, на уроки не ходит, но другого выхода не было. Война особо не спрашивала о наших мечтах и желаниях. (Сразу оговорюсь, что вернуться за парту мне больше не пришлось, так распорядилась жизнь).

Я поступила на работу ученицей вязальщицы в Шуйскую шнуроплетельную артель, что была недалеко от нашего городского парка. Стала работать в разных сменах со своей мамой, трудившейся здесь же, чтобы успевать хлопотать по дому и о младших заботиться. Тяжело ли было? Наверное, сейчас уже всего не припомню. Но в моем положении были тысячи девчат, да и поколение наше такое – не привыкшее к стонам и показным слезам. Поэтому жаловаться не стану, тем более, что хлебную карточку я уже стала получать с ежедневной нормой рабочего, а не иждивенца. Тяжелые будни приучили нас навсегда довольствоваться малым и от души радоваться всему.

Много мне помогала в годы войны тетя Нюра – жена брата моей мамы, Ивана Михайловича Сидорова, волевой и очень умный человек. Сам Иван Михайлович в числе первых ушел на фронт, а в 1942-м в кровавой мясорубке подо Ржевом пал смертью храбрых. В доме тети Нюры я всегда была не просто желанным гостем, а «своим» человеком. Она меня любила и жалела, всегда находила доброе нужное слов, хотя ей самой было ой как тяжело. Муж убит, растут две девочки – мои двоюродные сестренки, а работа очень напряженная выматывающая. Тетя Нюра – Анна Петровна Сидорова – возглавляла Шуйский детский дом и через ее строгие, но заботливые руки – прошли сотни детей-сирот, как местных, так и эвакуированных с территорий, занятых немцем. Многие были истощены до предела, их приходилось выхаживать долгие месяцы.

Навсегда в памяти остался такой эпизод. В один из дней я осталась ночевать у тети. Было поздно, когда кучер дядя Федя привез ее, совершенно обессиленную домой. Она устало зашла в дом, выпила стакан чая, надергала из бревенчатой стены мха, скрутила сигарету и задумчиво затянулась... Посреди ночи мы проснулись от ее настойчивого голоса и обомлели. Она крепко спала, и во сне громко вслух ругалась с председателем одного из пригородных хозяйств. «Поймите и услышьте, - взволнованно говорила тетя Нюра невидимому собеседнику, - речь идет о голодных несчастных детках. Вы же обещали мне выписать 300 яиц, а сейчас даете только 100!. Как же быть, как прокормить сирот?».....

Война шла долгие четыре года, из которых два с половиной я была участником трудового фронта. Старалась работать честно, добросовестно, никогда не чуралась других поручений. Мы помогали колхозам и совхозам в прополке угодий и в уборочную страду, оставались в артели на дополнительные смены. Поэтому не зря, наверное, наградили меня медалью «За доблестный труд в годы Великой Отечественной войны». Потом будут другие награды, в 70-е я стану Ударником коммунистического труда, но вот эта военная медаль – несравненно дороже.

ЮМ